

Сергей Кириллов

МАКАРЬЕВА - ГОРКА,

или

НЕ ПОМИНАЙТЕ
ЛИХОМ РЫБКУ

12+

Сергей Кириллов

**Макарьева-Горка, или Не
поминайте лихом рыбку**

«ЛитРес: Самиздат»

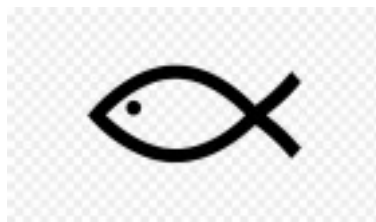
2020

Кириллов С. С.

Макарьева-Горка, или Не поминайте лихом рыбку /
С. С. Кириллов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Думал ли кто-то об этой части жизни? О том, что между жизнью и не жизнью, о зоне отчуждения, о серой зоне, куда никто не заходит? Там те, кто нигде не живёт. Там те, кто ушёл от жизни, а до новой так и не добрался. Думал ли кто-нибудь об этой части жизни? Одиночество... Одиночество только в аду, а жизнь (любая) — это свет. Книга заставляет думать, чувствовать и спорить, а значит, она живая.

...Большущие толстолобы, поднявшись из глубин и выходя в свечку, жадно хватают ртом всё, что видят на своём пути... Они делают это не потому, что голодны, а ради игры. Игра всегда начинается в прохладные предутренние часы. Толстолобы, что есть мочи, заставляют себя сделать выход, поднимая волны, разнося брызги и рисуя круги. Блистая чешуёй, их тренированные тела являют собой чистую энергию. Они поступают так же, как их предки, такие же тяжеловесы, взрослые рыбины, предающиеся своей забаве. А ещё считается высшим пилотажем такой финт – подплыв к поверхности на определённое расстояние, сделать жим, высунув хвост, громко им хлестнуть по глади водоёма. Чем громче раздаётся такая пощёчина, тем лучше.

Это было не так давно... Однако кое-кто посчитал бы, что всё случилось в далёком прошлом... Аня умерла в августе, а через девять лет в октябре, ещё раз и уже окончательно... Никому не суждено умирать дважды, скажете? Это верно. Но в то время кое-кому всё-таки удавалось...

Каждый раз, умирая, она не улетала к свету, её душа не отделялась, покидая тело, она потихоньку расставалась с надеждой и утопала, погружалась во что-то вязкое, словно насекомое, очутившееся в меду. А поскольку Аня всегда любила море, то она себе так решила: то, в чём она увязала, было желейное топкое море. Анна любила море, хотя никогда его не видела, а любила его потому, что не могла не любить, и ей часто казалось, что она сможет его даже услышать!.. Стоит только постараться расслышать море, зовущее её по имени... Но Аня оба раза – не услышала, не успела. И умерла...

Известия о смертях Ани казались нелепыми, ошибочными, ведь жизнелюбие девочки, воля к жизни девушки никак не укладывались с самим понятием смерть... Вспоминали, как трудно и странно девочка появилась на свет. Никто и не ожидал, что ребёнок выживет, малышка родилась недоношенной и потому очень крошечной, роды были шестичасовым изнурительным испытанием. Было похоже на то, что ребёнок покидать мамины пределы вовсе не собирался. Когда столетней Евлампии рассказали о том, что её праправнучка наконец-то родилась, та вскочила на ноги в своем кресле, а она лет десять уже была обездвижена. Следующие полчаса баба Лампа пищала беззубым ртом:

– Потроха ехидны! Не может этого быть!..

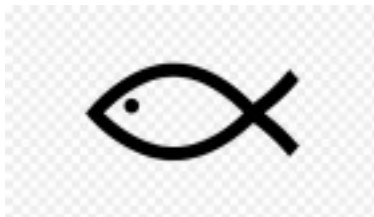
Анюткино тельце казалось ещё меньше из-за большой щекастой головы, что делало ребёнка похожим на совёнка. Поэтому некоторое время маму Ани звали Тачтородиласову...

На первое кормление мамашам принесли их сокровища. И Анютку тоже. Самый маленький свёрточек. Хорошо помня разные страшные рассказы о том, какие патологии случаются с недоношенными детьми, мама решила тут же ощупать дочь и узнать, все ли пальчики у дочки в наличии, а вдруг пальцев не хватает. Она старалась прощупать каждый сквозь ткань. На ручках был порядок – по пять на каждой, а вот на ножках только по четыре!.. Ещё и ещё раз мама пересчитала дочкины пальцы. Так и есть.

– Хорошо, что недостаёт пальцев на ногах, обувью можно скрыть этот порок, – думала мать, утешая себя.

Но как же она была приятно удивлена и обрадована, когда спустя несколько дней разрешили Аню развернуть, и всё можно было хорошенько рассмотреть. Мизинчики были на месте,

но до чего же миниатюрные, как две штучки чёрного перца, ну или чуть побольше! Принцесса родилась с двумя горошинками...

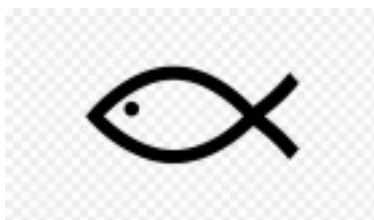
...Молча женщины принялись доставать из шкафов чёрные платки и стали покрывать ими головы. Затем были найдены траурные покрывала, и ими были завешены все зеркала. Весь дом, облачённый в чёрное, стал молчалив и тревожен. У соседей нарочито пела Эми Уайнхаус, хотя очень уместно...

В распахнутые настежь окна влетали осы. Воздух был плавок от зноя, и потому насекомые двигались медленно, словно при замедленной съёмке. Жужжа, они вносили внутрь различные запахи с улицы. Приторный – винограда; гроздья были везде, заполнив тазы, кастрюли, корыта и прочую утварь; густой – это аромат мёда; с нотками карри – от жареного в масле лука; и тонкие струны – это от бензина и разных масел; были цветочные ноты, но едва слышные; бьющие наотмашь, – от старого дерева, кожи, мускуса; в довершение – амбре ладана... Вот чем пахло днём восемнадцатого числа.

Дом дремал, прислонившись к склону горки, поросшей кустарником и разнотравьем. Он смотрел своими окнами вперёд, в лицо времени. Кто знает, сколько ему было? Очень старый был дом. Про такие говорят «он помнил кого-то» или «он помнит о чём-то»... Дом помнил многое, но многое начал забывать. Он – свой удел, место под солнцем... То место, где стихает боль, приходит покой... Там ты укрыт от всего. Он созвучен, почти рифмичен семье, те же координаты. Там ты – это ты. Родина! А ещё дом хорошо помнил маму Анны.

Девочка свою маму не помнила... Она её придумала, чтобы чаще вспоминать, с того времени мама всегда была с нею... И Аня забыла, что она сирота.

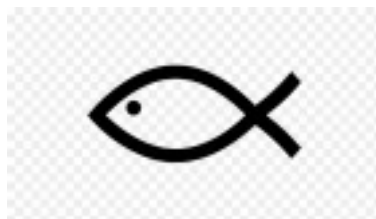
После похорон мамы Анечка обзавелась новыми друзьями. Чёрный кот и ящерица стали её неразлучными спутниками. Кота звали Кот. А ящерицу звали Сколопендра. Почти год Аня, Кот и Сколопендра провели вместе в кладовке, такой крохотной комнатке, три на четыре метра.

Там, среди груды парафиновых свечек, букетов пластмассовых цветов, упаковок спичек, катушек с нитками, салфеток, пузырьков с маслом, бутылок с керосином и ацетоном, флаконов одеколона, мешками с тряпичными лоскутками, остатками разных обоев, кусков шнуров, веревок, коробками туалетного мыла и рулонами бумаги, Аня обустроила безопасное убежище...

– Мы ведь никогда не расстанемся?

– Я всегда буду с тобой, – заверил Аню Кот. А Сколопендра продолжала молча сидеть на сандалиии девочки. Ящерица говорила редко, но всегда только по делу и только важное. Кот болтал без умолку, чем навлекал на компанию подозрения посторонних.

И Аня любила поговорить, но отец был почти всегда занят, а тётки Кира и Яна бывали у них дома, но не так часто... Зато девочка, кот и ящерица могли наслаждаться своей необычной компанией, никого не опасаясь и не смущая, почти весь день, до самого вечера, и почти ежедневно.

Пришло время, и девочке нужно было стать школьницей. Аня с отцом, Котом и Сколопендрой отправились как-то в школу к директору на беседу, ну и чтобы познакомиться... Кстати, говоря честно, то был единственный раз, когда Аня и директриса школы Гейзель Вильгельмовна виделись. Девочку усадили в большое малиновое кресло, Сколопендра молниеносно оказалась на коленях девочки, а кот сел у ног... Директриса с минуту, не произнеся ни слова, сидела, вытаращив глаза на пёструю компанию, размешивая сахар в чашке чая перед собой. Мерно отстукивали гигантские напольные часы. Слышно было древоточца, который торил проходы в деревянных панелях на стенах. В высокое узкое окно на истёртый ковёр вливалось яркое солнце. Казалось, всё и все погружены в дремоту.

– Не заговаривай первой, – предупредила Сколопендра, – это дурной тон...

И тут, будто до директорши дошли слова ящерицы, Гейзель Вильгельмовна расправила бант, украшавший блузу, и стала рассказывать – и об истории школы, и о контингенте, педагогах и персонале, о попечительском совете, о планах и намеченных мероприятиях... И внезапно закончила:

– Я всё вам рассказала, а закончит мой секретарь. Что будет не ясно, спросите у неё...

В этот же миг директриса вышла из кабинета...

– Ваши имена? – попросила секретарша.

– Аня, а я – Николай, – сказал папа, а Аня добавила:

– Кот и Сколопендра...

«Раз уж просят имена, то нужно назвать их все», – подумала девочка.

Секретарша засмеялась восторженно:

– Какой остроумный ребёнок!

«Наверное, она решила, что Кот – это папа, а Сколопендра – это я», – догадалась Аня.

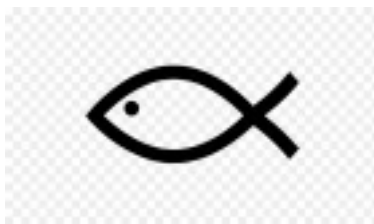
Секретарша продолжала смеяться.

– У нас в школе работал как-то физруком один человек по фамилии Кот. Но походил он скорее на жука! – снова смеялась секретарша.

– Как хорошо, что мы вместе сюда пришли, – подумала Аня.

Аня была счастлива в тот день. А когда Аня была счастлива, ей светило далёкое, но родное, её море... В те минуты девочка особенно старалась быть тихой-тихой и внимательной,

чтобы не заглушить или вдруг не пропустить что-либо, стараясь запомнить минуты своего счастья, чтобы ничего не упустить, не позабыть... Тогда она становилась сосредоточенно тихой. Это означало, что Аня запоминает кусочек своей жизни, потому что считает его важным.

Однажды к ним домой постучались, было ещё раннее утро, но Аня быстро выбралась из кровати, побежала открыть. Женщина, которую Аня увидела перед их воротами, поздоровалась, обращаясь к ней по имени, и схватила её в объятия. Она не отпускала девочку некоторое время, а когда Аня была освобождена, та произнесла лишь одно:

– Прости!

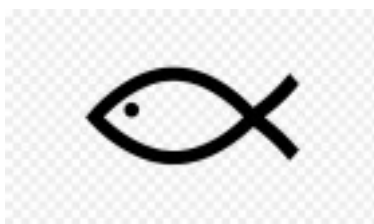
Это была тётя Кира... Кот обрадовался её визиту, а Сколопендра была сдержанна, но тревоги не было. Ни у кого... Тревога, нервозность, суета – лживые подруги, им нельзя доверять, они создадут только напряжение, но от них помощи не будет, зато ошибок предостаточно; это известно было троим, потому девочка, кот и ящерица, не сговариваясь, решили держаться стороной от тревожности, нервов и суетливости. Раз, другой сдержи себя, заставь себя без паники взглянуть жизни в глаза, потом станет привычкой и полезным навыком жить плавно и бесшумно. Так учила племянницу и тётя Кира.

– Старайся стать самой незаметной, самой тихой, громкие и видные привлекают к себе внимание, а оно ни к чему...

– Скрытные дольше живут! – говорила она то и дело девочке. Тут же тётка прибавляла ещё и какой-нибудь пример из жизни.

– Большого ума в том, что будешь заставлять оборачиваться на себя других людей, нет. Меньше про тебя знают – легче жить! Заметный человек будто разрешает другим себя раскусать... Нельзя допускать, чтобы увидели все твои слабости... Пока о тебе меньше знают, не могут, значит, победить, узнав всё, что им на руку...

И Анюта очень, очень старалась стать тихой и незаметной... У неё получалось...

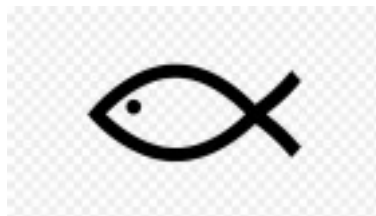

С Кирой можно было говорить обо всём и даже поплакать вдвоём над каким-нибудь пустяком, если хотелось. Тётка Яна была совершенно другая...

– Слезы должны иметь причину, – говорила она Анютке. – Если они без причины – это истерика, больше ничего. Вот скажи, почему ты всё время плачешь? Тебя кто-то обидел? У тебя что-то болит? Что-то случилось? Молчишь... Даже если тебе грустно, нужно сказать, чтобы стало понятно, для чего ты плачешь... Хватит плакать. Я думаю, ты, просто однажды начав свой рёв, теперь уже не можешь остановиться... Ещё никого не любила, вот увидишь,

какие тогда будут слёзы, ты станешь другой, совершенно другой... Допустим, тебе нравятся объятья, а похоже, что ты готова кого-нибудь задушить!.. Никто не виноват, только ты...

Рядом поблизости всегда оказывается как раз тот человек, который бесит тебя сильнее остальных в эту минуту, но он – самый верный и преданный... самый полезный. Он остановит твою панику, возьмёт почти все тяготы, без лишних слов, обыденно, но легко, просто необходимо для тебя. Он станет тебе опорой, с ним не ты не утратишь самообладание, самоконтроль. Он не даст тебе напортачить...

Тигр спохватился, стал вытирать с рук кровь, не получив никакого результата. Тигр действовал порывисто, больше неосознанно. Метнулся к прудам, быстро расстегнул, снял рубашку и в брюках по пояс вошёл в воду.

...Ночь ещё не совсем ночь, она ещё сиреневая и прозрачная. Поэтому там, где источника света, кроме неба и воды, нет, он останавливался на дольше, вслушивался в плески, шорохи, грохот собственного сердца, в тишину... Тишина заглушала собой всё остальное, но не пугала. Она обесцветила неутомимую, казалось, никогда не затихающую, человеческую возню повсеместно. Это можно было назвать благодатью. Только Тигр не был блаженным...

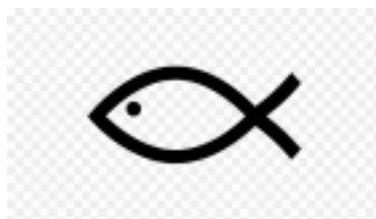
Тигр поплыл. Волна пенилась у его подбородка. Он дышал часто, потом зевнул... Тишина.

Даже волны, поднятые им, были беззвучны...

Я – настоящий изверг, – подумал Тигр. – Там, на мокрой от утреннего дождичка клумбе, возле кучи песка, почти не видна, лежит твоя Аня! У неё на лице полуулыбка недоумения, а вокруг головы, словно нимб, – бурое пятно крови...

– Её убил не я, это цепь совпадений... Бедная! – шёпотом разговаривал он сам с собой. – Нужно быстро возвращаться!

Но сил не было. Тигр еле побрёл к своему дому и был как будто раздосадован тем, что его никто там не ждёт.

Отец сразу дал ему прозвище:

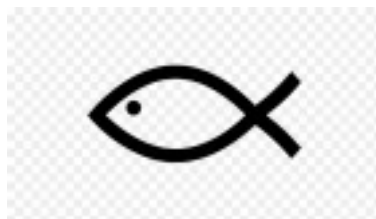
– Синепупый какой-то! Захочет, выживет, короче...

Отношения между Тиграном и отцом с того дня стали долгой холодной войной. Казалось, про него знали буквально всё и даже больше: как насквозь видели и обо всех его тайнах догадывались... Что ему оставалось? Ещё глубже уходить в подполье...

– Пусть всё идёт своим чередом, – говорил ему отец. Что это значило? Тигран решил – это значит нельзя допускать пустые мечтания, надеяться на чудо, не ожидать никаких фанта-

стических событий, которые полностью изменят его жизнь... а просто жить... Завтра может всё закончиться, завтра может не быть...

Мама оставила Синепупова, сбежала, даже вещи свои не взяла... Поговаривали, видели её, вышла замуж, и у неё дети. А ещё это значило, что у мамы всё хорошо. Это значит, у него был брат, сестра? И их она не бросает, как его, не сбегает, прячась ранним утром, когда ещё не рассвело, но уже достаточно хорошо видно, не выбирается из дома, не потревожив пса, а добежав до соседского стога, не остаётся переждать в нем какое-то время. В стогу заранее спрятана еда и спортивный костюм с кроссовками. Переждав день-два, его мать с наступлением ночи отправится в путь, проложив свой маршрут подальше от людей и дорог. Она рассчитает всё так, что обойдётся без чьей-либо помощи. Так лучше – никто, кроме неё самой, в целом мире не знает, куда она направляется и где окончит свой путь... Что ждёт её впереди, как сложится её жизнь... Просто она долгое время исчезала... И однажды совсем исчезла. Без следа...

Аню положили во гроб одетой в платье невесты. Об этом упросил крёстный девушки – дядя БаграТ. Он давно уже жил в городе, однако на похороны приехал, не опоздал... Он плакал, скорбя, но многим показалось, что наслаждаясь... Парадокс... Анечке отчаянно грустно было слышать отзвуки мира, из которого она уходила, не успев ничего прихватить на память. Зная, что прощается навсегда, она собиралась всё остановить, зареветь громко и убежать из дома, но вдруг поняла, что ничего не получится.

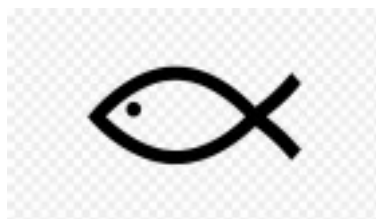
И тогда она услышала всхлипы, как будто знакомый и неизвестный голос женщины...

Аня попыталась открыть глаза.

Но услышала:

– Расскажу тебе сказку, пока ты ждёшь...

И тут Аня успокоилась, тревога отступила, и она стала только слушать...

Жила тётя Яна на самом краю улицы, в небольшом доме с красной крышей, который она построила со своим мужем. Жили они хорошо, тихо, не ссорясь с соседями, а потому даже двери никогда не замыкали. Как-то раз, в начале осени, увидела Яна во сне, как будто идёт по их улице огромная синяя цапля. Колени у неё – выше крыш. То одним, то другим глазом поглядывает. Из клюва пахнет землёй.

Заглянула та цапля в самое окошко их дома своим немигающим, внимательным, желтым глазом.

Испугало это Яну очень, она побежала от окна, в двери, затем – на двор, а после и со двора, за мост. Бежит, вроде бы, так быстро, что не заметила, как полетела, перебирая ногами и едва касаясь верхушек кустов, метёлок высокой полыни на пригорке, бурых головок камыша...

Почти до леса долетела и обернулась. И тут бедняжка подумала: «А вдруг цапля не за ней пришла и вовсе не её ищет, а станет охотиться на других, подбрасывая и ловя их своим огромным клювом, как лягушек? А если пришла цапля только за ней, и остальные ни при чём!?»

Решила вернуться. Пролетела над ручьём, уже видны стали дома, а цапли нигде не видать. Ну как такая большая птица и так быстро смогла спрятаться? Опустившись пониже, женщина стала всматриваться в окна, чтобы убедиться, что никто не пострадал из-за неё. Всю Макарьеву-Горку облетела, но цапля бесследно исчезла, будто и не было, хорошо, что новая способность летать у Яны осталась. И стала летучая дама передвигаться по воздуху.

Полетела к ручью и насобирала там целую охапку камыша, что в изобилии рос на берегах. Принесла камыш домой и за несколько минут, прямо на кровати, сплела гнездо. Оно получилось очень хорошее и даже роскошное. Очень похоже на большую корзину.

Поглядела Яна в зеркало и обнаружила, что лицо её изменилось. Нет, моложе оно не стало, но будто вытянулось, нос вроде бы стал длиннее, глаза, похоже, округлились, и выражение лица стало очень знакомым, но чьим – не сообразить. А нос стал просто чудовищных размеров, опустился ниже подбородка. Смотрит, а глаза, утратившие цвет, словно два чайных блюдца, разбежались к вискам, обнажился высокий выпуклый лоб. Само её тело принимало гротескные формы.

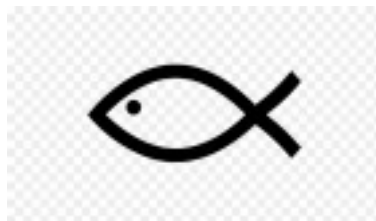
Теперь женщина поняла, в кого она превращается...

Огромная синяя цапля, то есть сама Яна, двинулась по улицам, заглядывая в окна своим жёлтым глазом...

И Яна проснулась... Быстро, как спасительное заклинание, она произнесла:

– Куда ночь, туда и сон!

Однако пережитое во сне не забывалось и беспокоило...

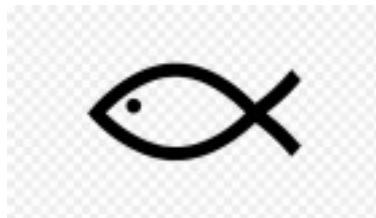
Очередь пошатнулась и двинулась. Всё и вся, кто должен был принять участие в этом шествии, были наготове. Парад... Люди, входя, занимают отведённые им места. Тишина ожидания. Все внимательно ждут команды к началу. Аня оглядывает вокруг людей, они как будто знакомы ей, входят ещё и ещё, и другие, а вот и совсем знакомые, родные... Очень много людей... Атмосфера напряжена, словно миг – и произойдёт что-то очень важное, ради чего всё это, ради такого не жалко жизни самой... Входит мама, Аня её сразу видит и улыбается. А она – в ответ. Идут друг к другу.

Аня замечает, что среди людей есть и животные, особенно много кошек всевозможного окраса, а ещё есть птицы, собаки. Проходя, один раз заметила лошадь... Сначала медленно, с раскачкой, но все набирали темп... К людям с животными в открытые тяжеленные двери прорывается ещё кто-то. Не люди, не звери... Бесы... Демонов тут же останавливают и уводят обратно, вовне... Страшное наказание – слышать зов, но не иметь возможность ему следовать... Им напоминают, что это их осознанный выбор. Лукаво стихают... Аня всё внимательно

осматривает, чтобы не забыть, чтобы запомнить все детали великого шествия... Но вдруг слышит:

– А эта здесь зачем? Ей ещё не время!

И Аня ожила... Открыла глаза и попыталась позвать папу, а потом увидела тётю Киру. Она воскресла.

– Не обращай внимания, мимо иди и побыстрее! – женщина пропустила девочку вперёд, а сама развернула кресло, на котором сидела, и направилась, крутя колёса, навстречу отродью:

– Тебе велено было уйти! Зачем задержалось? – гневно произнесла баба Лампа, обращаясь к прозрачнокожей тощей фигуре. Существо застрекотало что-то в ответ, обнажив пасть-присоску с огромным количеством мелких острых зубов внутри, возмущённо жестикулируя костлявыми семипальными ручонками...

Гораздо позднее Анна сможет повнимательнее рассмотреть лярву, так назывались такие нежити, а в тот день она услышала от бабушки Евлампии только пояснение:

– Этим не верь никогда! Это презрение всех Законов с обеих сторон! Не должны лярвы выходить замуж за мужиков, тем более рожать от них детей... За это она и поплатилась...

Аня после встречала несколько таких, как эта, особей, хорошо, что видела их издали...

Ненасытные и продажные, лярвы лакомятся человеческими страхами, ужасая путников, морочат им голову, заставляя сбиться с пути...

Бабу Лампу маленькая Аня с тех пор очень стала уважать и немного бояться!

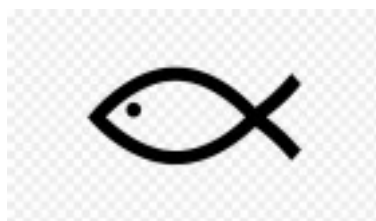
– Эй, ты, сюда иди!.. – высокий худой парень двинулся ему навстречу. – Ты кто такой? Живёшь тут?..

Тигр кивнул.

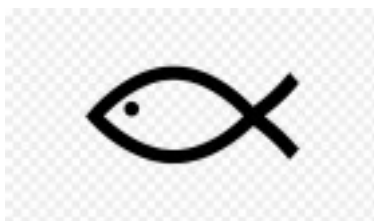
– Уезжал бы ты отсюда... Послушай совет. Не будет жизни тебе тут...

Парень наклонился над ним, нависая грозно:

– Чужих здесь не любят! Понял? Уезжай. – И отправился обратно в заросли кустарника...

В жизни тётю Киру мало что по-настоящему трогало. Она, как говорится, была не из пугливых. Так с детства повелось... Её отца, ей тогда было около десяти, как-то привезли домой товарищи с бригады... Положили на стол в гостиной и ушли... Кира не испугалась и подошла к отцу. Он лежал с открытыми глазами, а по одному глазу ползала зелёная муха! Это было, когда ещё и Ани-то не было, а Кира была возрастом как Анечка. И если было бы возможно и поставь тогдашнюю Киру и нынешнюю Аню рядом – не отличишь, страшно похожи... И характером, и упорством. И неуждержимостью. Такое сочетание храбрости и упорства не могло не магнитить к Ане людей, а от Киры когда-то, наоборот, всех оттолкнуло... Живя то одиноко и замкнуто, а в молодости весело и разгульно, она будто ждала, когда жена у брата умрёт и наконец оставит дочку на её попечение... Она плохо скрывала свой восторг, вела себя словно ни в чём не бывало. Только иногда, когда Кира вдруг задумывалась, улыбалась, чувствовалось – она что-то замышляет...

...Когда новый человек появлялся в деревне и намеревался зажить тут славненько, соседи не на шутку тревожились. Каждый спешит оказать новосёлу свою неповторимую поддержку... И приходят однажды к новичку, и каждый дарит своё. Кто-то подарит новую причёску, покороचे и другого цвета, кто-то одарит новыми одеждами, забрав его собственную, драными штанами, серой рубашкой и изношенной курткой, кто-то встретит нового соседа, отобрав обувь и сделав его босоногим, а кто-то наведёт новый макияж – набьёт под глазом фонарь или сломает челюсть! Теперь новичок такой же, как они... Как и все остальные.

Такая инициация «в свои» – сначала напоить, потом соблазнить женщиной, после – искупить, уличая в преступлении, а возможно, и доведя до ареста, пассивно наблюдать за обнищанием и падением, у самого дна напомнить, кем был и каким стал, опустился, тем поглумиться и, посмеявшись, растоптать совсем... Безжалостная машина адаптации в местные аборигены...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.